

Эдуард Лимонов, родившийся в 1943 году. Писатель и политик, вырастивший нескольких жен-литераторов.

— Эдуард Вениаминович, если не возражаете, давайте не будем касаться вопросов политики и перспектив Национал-большевистской партии, которую вы возглавляете, а поговорим исключительно о любви в вашей жизни. О ваших женах. О встречах и расставаниях с ними.

— С удовольствием. Тем более что давно уже, на мой взгляд, пора открыть «Клуб жен Эдуарда Лимонова». Или что-то в этом роде. Жаль, в 90-м году моя первая жена повесилась на ремешке от дамской сумочки...

— Вашей вины в этом нет?

— Я надеюсь, что я непричастен. Безусловно...

— Извините, перебую вас. Разве вашей первой женой не была Елена Щапова — нынешняя графиня де Карли?

— Нет. Она была по меньшей мере вторая. А шесть лет до нее я жил с женщиной, которая была старше меня, и звали ее Анна. Все это более или менее описано в романе «Молодой негодяй».

— А что же стало причиной происшедшей с Анной трагедии? Вы знаете?

— Очевидно, ее психическое нездоровье. Она всегда была женщиной необычной, экспансивной, эксцентричной. У нее был какой-то диагноз... кажется, вялотекущая шизофрения, переходящая в маниакально-депрессивный психоз... Какая-то такая чушь... Но женщина она была великолепная, очень талантливая. Стала художницей, работавшей в ярком экспрессионистском стиле. Я узнал о ее смерти случайно, из телефонного разговора. Анна лежала в одной украинской психбольнице. Можете представить себе, какая там грязь, безобразие. Она отпросилась на выходные домой, чтобы помыться. Потом соседи обнаружили горящий в квартире двое суток свет и непрекращающуюся музыку. На звонки никто не отвечал. В конце концов дверь взломали и обнаружили Анну, висющую в коридоре на ремне от сумки. При полном махияже. Она всегда очень круто красилась...

— С Анной вы расстались до того, как познакомились с Еленой Щаповой?

— Почти в одно и то же время. Это был 1971 год. Мне было двадцать восемь.

— Вы читаете интервью, которые дает сегодня Елена Щапова и где она вспоминает вас? В частности, интервью «М-Э» прошлой весной?

— Кое-какие я читал. Думаю, что в интервью «М-Э» она несколько неверно истолковывает причины нашего развода. А вообще она ко мне весьма лояльна...

— Разве? Значит, вы согласны с утверждением г-жи Щаповой, что вы вставляете ей «палки в колеса», мешая изданию ее книг в России?

— Это ее паранойя! Тут я всеми руками и ногами отбиваюсь и говорю, что это полная чушь. Я не настолько мелкий человек, чтобы это делать. И скорее бы помог ей с изданием книг, если бы от меня это зависело. Кстати, в ее книгах о себе я не вижу ничего скверного, скорее хорошее.

— Сколько лет вы прожили с Еленой?

— Смотря от чего отсчитывать. С момента знакомства до момента расставания прошло около шести лет. Но потом у нас был второй роман. Не в Америке, а в Париже. Почти два

года, после некоторого промежутка.

— Вы согласны с такой оценкой вас вашей бывшей женой: «Он был робкий, сентиментальный юноша в очках»? И далее: «Познакомившись со мной, он в тот же день ночевал на лавочке у моего дома»?

— Это правда. Все так и было. Она пробуждала во мне именно романтические чувства, как создание неземное, хрупкое, непонятно как заброшенное в российские снега, где бродят большие «гиппопотамы» женщины в огромных меховых шапках...

— Еще Елена вспоминает, что вы считали ее самой красивой женщиной планеты и даже ревновали к пуделю и хотели его убить.

— Совершенно верно.

— За что ж собачку-то?

— Собачка была очень больная, хворающая каким-то воспалением ушей. И она буквально заживо гнила. То есть запах от нее исходил совершенно чудовищный. У меня же всегда присутствовало этакое солдатско-крестьянское отношение к животным: молоко даешь, дом стережешь, мышей ловишь — живи. А тут какое-то больное животное. Мне казалось: на кой черт себе жизнь уродовать? Да она и спать-то нам нормально не давала, стонала ночами... Потом наконец-то умерла.

— Понятно... Кстати о животных. Еще в одном из своих интервью вы как-то обмолвились, что любимым представителем фауны у вас — это черви. И когда я разговаривал с Еленой Щаповой, она сказала мне: «Сами посудите, что можно сказать о человеке, у которого черви — любимые твари?»

— А чем, собственно, черви плохи? Простейшие, беспозвоночные... И что самое главное — не могут предать. Уже хорошо. Даже собака на это способна, а черви нет.

— Вы мужчина ревнивый?

— В бытовом смысле? Нет! Я ревнивый по высшему счету. Если женщина, которую я люблю, оказалась с кем-то в постели, при чем здесь ревность? Здесь что-то другое. Ревность — это когда она отрекается от меня. Я не имею в виду плотских отношений. Думаю, что на сегодняшний день я даже глазом не моргну, узнав что-то такое... Я никогда не спрашиваю женщин, где они были, с кем.

— Странно... Ваша супруга вспоминала, как в Америке вы жутко ревновали ее после каждого прихода с работы, когда ей удалось устроиться фотомоделью. Нецелю изби-вали. А однажды даже целую неделю душили... Это соответствует действительности?

— Не соответствует. Был, правда, эпизод, когда я ее действительно душил. Но не целую же неделю.

— Я, признаться, тоже усомнился: как так — целую неделю душил и не задумался?

— Вот-вот... Тогда Лена завела себе любовника. Это был художник, француз. Естественно, она стала заявляться домой слишком поздно даже для фотомодели. И — слишком «податая», слишком «обкуренная». Так что ее взгляд на эти вещи, мягко говоря, необъективен.

— Прошло много лет, и все это не столь важно, но если расставлять точки истины ради, то следует сказать, что она, видимо, действительно была влюблена в того мужика. Все это продолжалось с декабря по февраль, и только в феврале я взорвался... Произошла такая вспышка. Она была лишь единичной и без всяких недельных избиений.

— Насколько я понимаю, в то время вы еще не были знаменитым писателем?

Фото Анатолия МЕЛИХОВА

ЛЮБИМЫЕ ТЕЛА ЭДУАРДА ЛИМОНОВА

— Да, был абсолютно неизвестен.

— Но вы избивали, душили... А вам, извините за откровенность, не приходила в голову мысль, что вы претендуете на женщину, до которой у вас «нос не дорос»? Кстати, ведь до знакомства с вами Елена уже была чужой женой — женой довольно известного и очень обеспеченного мужа-художника. Она говорила мне, что единственным автомобилем, которым она пользовалась с первым мужем, было такси...

— Безусловно, именно на «чужое» я и претендовал. Я был выскочка. Хотя в своем немногочисленном мире я, конечно, считал, что я выше всех. Я был поэт...

— Простите, но поэтом, с точки зрения подавляющего большинства, был Евтушенко, а вы были представителем контркультуры...

— Так. Но быть и таким поэтом было очень престижно. Эти две разные культуры соединились, как сообщающиеся сосуды. И были такие места, где люди, представляющие эти два разных направления, встречались. Например, в доме у Лены и ее мужа.

— По утверждению вашей супруги, ее бывший муж, г-н Щапов, умер от сердечного приступа, узнав в вашем браке.

— Может быть, это и так. Я точно не знаю. Но звучит очень романтично...

— Так кто же кого в итоге бросил: вы Елену или она вас?

— Я же сказал: она завела себе любовника... Я пытался с этим жить, но в один прекрасный день не смог. Я избил ее. А она собрала вещи и ушла.

— Вы переживали, когда были?

— Нисколько!

— И сейчас не переживаете?

— Абсолютно.

— И сейчас бы побили?

— Конечно!

— Вы сегодня упоминали про свой второй роман с Еленой Щаповой. Наверное, в «промежутке» вы не жили анахоретом и у вас были другие женщины?

— Да. И очень много.

— Почему же все-таки вы к ней вернулись?

— Что ж тут такого? Она стала одной из них. Из многих.

— Давайте, как бы это выразить, поговорим о вашем гомосексуальном опыте, которому посвящены некоторые главы ваших романов. Вы же ныне не только писатель, но и политик, а следовательно, зависите от избирателей. Согласитесь, что нашим избирателям немаловажно, признаете вы себя гомосексуалистом или нет...

— Жириновский почти называл себя гомосексуалистом и ведет себя...

— Вы же пока не Жириновский.

— Но я и не гомосексуалист!

— Значит, вы и ваш литературный герой не есть одно лицо?

— Разумеется.

— Тогда я вынужден опять обратиться к воспоминаниям Елены Щаповой, утверждающей, что одно время вы «стали изображать из себя гомосексуалиста».

— Ничего я никогда не изображал. В более чем двух десятках моих книг в совокупности есть только три гомосексуальные сцены. И оттого, что писатель написал их, он не становится сам гомосексуалистом.

— Однако соответствующая сцена в романе «Эта я — Эдика» написана более чем убедительно. С отменным знанием дела.

— Ну и что? Это говорит лишь о том, что я хороший писатель.

— Выходит, «наговаривает» на вас бывшая супруга графиня де Карли? От обиды на вас, может быть?

— А чего у нее хорошего в жизни-то? Муж умер. Одна воспитывает дочь. Интервью вынуждена давать обо мне, а не о себе самой. Она хотела в свое время убежать и нигде не убежала. Теперь же это навеки. Все проиграно...

— А у вас?

— Когда произошел разрыв с ней, я ее действительно очень искренне любил, и для меня это была трагедия. Но я-то потом оправился. В 1982 году, в конце нашего второго романа, уже я ее выгнал...

— Третьей вашей женой стала Наталья Медведева...

— Что ж о ней говорить? Ее и так все знают.

— Тогда, может быть, поделясь, по каким критериям вы подбираете себе жен?

— Никаких критериев. Методом проб и ошибок.

— Но почему, например, ваш выбор пал на Наталью Медведеву?

— Она пела в кабаке. Была очень броская.

— Вы хотите сказать, что она была первой вашей женщиной, которая пела в кабаке?

— Дело не в этом. Наташа пела очень здорово, талантливо. Очень страстно.

— То есть вы в ней нашли талантливую женщину... А она — в вас?

— Если хотите — вождя и учителя. Я с ней встретился в период ее кризиса. Ей было 24 года. Ей все на свете надоело, и она не знала, куда дальше идти и что делать...

— Зато сегодня Наталья Медведева смотрится как современная Жорж Санд. Это ваша заслуга?

— Такой вопрос лучше задать Наташе. Но я прожил с ней 13 лет.

— Формально или действительно «прожили»?

— «От звонка до звонка». Как в тюрьме.

— Иными словами: «шаг влево, шаг вправо считаются побегом»? Вы бы этого не допустили?

— Вот когда случился «шаг вправо», мы и расстались.

— И куда же она «шагнула»?

— Пусть она вам расскажет.

— И все-таки, называя себя учителем, вы можете сказать, чему ее научили?

— Если говорить серьезно, то она стала жить рядом с человеком, который работал. А что она? Она немного пела в ресторане, немного была моделью и вдруг оказалась в совершенно необычной для нее ситуации. Рядом — я, каждый день сажусь за письменный стол. Это был пример. Не случайно же и сама стала писать книги.

— При чем здесь вы? Можете быть, это «личный» талант Натальи Медведевой?

— Не многие знают, что делать со своим талантом. Тогда-то и нужен пример.

— Насколько высоко вы цените себя как мужчину в сексуальном плане?

— Никогда не претендовал в этом смысле ни на какие «высокие звания».

— «Берете» тем, что «расчитываете» из своих жен писателей? — Думаю, что существует

огромное количество слесарей, монтажников, еще кого-то, которые в постели просто великолепные люди. Но член известного человека — это уже не только член. Это несколько другая история. Меня же за чем-то все время пытаются вытащить на роль чемпиона по битию кирпичей этим самым... При этом я никогда не утверждал, что сексуальных побед у меня было больше, чем поражений. Достаточно прочитать мой первый роман, чтобы в этом убедиться.

— И все-таки человек вы, наверное, сексуально впечатлительный? Можно, к примеру, вспомнить сцену в том же романе, где вы находите трусики, забытые вашей сбежавшей женой, и чего только, упиваясь, с ними не делаете...

— Это нормально. Надо уметь чувствовать!

— Что? Запахи?

— Все! Поверьте, я говорю совершенно искренне.

— Однако, на ваш взгляд, случайно или нет ваши жены становятся писателями?

— Делать им нечего. Ищут оправдания своему поведению.

— У вас дети есть?

— Насколько я знаю — есть.

Приблизительно двое.

— Это не дети ваших жен?

— Нет, конечно.

— Вы как-то участвуете в их судьбе?

— Я же сказал — «приблизительно»...

Вместо постскрипума

В тот же вечер, когда записывалось интервью с Эдуардом Лимоновым, мне удалось задать несколько вопросов его нынешней пассии — двадцатилетней Елизавете Блезе.

— Где вы познакомились с Лимоновым?

— На выставке моего отца.

Он — художник.

— Какова у вас разница в возрасте?

— Почти тридцать лет. Но меня это не смущает. Эдуард во многом гораздо моложе моих сверстников. Своей, если хотите, жизненной силой.

— Г-н Лимонов только что довольно скромно оценил свою сексуальность...

— Вот именно — он поскромничал. Посмотрите на меня. Я красивая женщина. Я что же, буду находить себе убогого?

— Можете быть, вы нашли в нем Льва Толстого?

— Для меня мужчина — это все! Он не должен быть просто умным. С умным можно только разговаривать. Но невозможно жить, если он ничто в постели.

— Кем вы себя чувствуете: любовницей, женой?

— Жена — это глупое, тупое понятие.

— Вы не опасаетесь, что однажды г-н Лимонов вас оставит, как оставил многих?

— Ничего страшного. Переживу и буду жить дальше. Хотя, конечно, после Эдуарда найти достойного человека будет не просто...

Вадим ТРУХАЧЕВ